

Два стихотворенія А. В. Кольцова.

Я вошелъ въ большую, не совсѣмъ свѣтлую комнату, и высокій, чуть сутулый старикъ усадилъ меня возлѣ себя, у стола.

Боясь оказаться неточнымъ въ передачѣ его замѣчательно чистаго, какъ будто изъ бронзы чеканнаго діалога, блиставшаго прекрасной красотой русской рѣчи, которою еще славятся центральные, ближайшіе къ великой царицѣ Волгѣ привольные города русскаго простора, я рѣшаюсь своими словами кратко передать его бесѣду со мною и цѣль моего визита къ нему.

Моему собесѣднику В. И. А—скому было за восемь десятковъ. Онъ всю жизнь провелъ въ одиночествѣ. Лѣтъ 25 назадъ А—скій былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Воронежѣ и за выслугою лѣтъ, получивъ пенсію, оставилъ службу и поселился въ томъ же городѣ.

Г. А—скій очень любилъ русскую литературу и особенно боготворилъ Пушкина; знакомство съ произведеніями великаго поэта г. А—скій обнаружилъ передо мною изумительное и, несмотря на свои восемь десятковъ, онъ съ необыкновенной легкостью цитировалъ наизусть цѣлыя строфы изъ „Онѣгина“, „Полтавы“, „Цыганъ“, „Бориса Годунова“ и др. Обожая великаго поэта, г. А—скій интересовался всѣмъ, что имѣло отношеніе къ Пушкину: будь то книги, портреты, медали и т. п.

Мое знакомство съ г. А—скимъ вышло случайнымъ, и онъ просилъ меня зайти къ нему побесѣдовать о разныхъ разностяхъ и, кстати, обѣщалъ меня чѣмъ-то заинтересовать...

Оказывается, г. А—скій, живя много лѣтъ въ Воронежѣ, хорошо зналъ родственника извѣстнаго воронежскаго книгопродавца Д. А. Кашкина, дружившаго съ поэтомъ Кольцовымъ.

У этого родственника сохранились два стихотворенія Кольцова, написанныя рукой поэта и принадлежавшія его сестрѣ Анисѣ Васильевнѣ. Между прочимъ одно время сестра была въ разладѣ съ братомъ-поэтомъ.

Послѣ смерти Кольцова Анисья Васильевна подарила оба стихотворенія книгопродавцу Кашкину, и рукописи эти впоследствии перешли къ наследнику книгопродавца.

Г. А—скій часто встрѣчался въ Воронежѣ съ обладателемъ этихъ рукописей и дорожа всѣмъ, что касалось русской словесности, приобрѣлъ у него эти рукописи. Много лѣтъ спустя А—скій рѣшилъ переѣхать на жительство въ Петербургъ, и это свое желаніе онъ осуществилъ прошлой осенью.

Я необычайно заинтересовался этими рукописями, и г. А—скій, внявая моей настойчивой просьбѣ, разрѣшилъ мнѣ переписать и опубликовать оба стихотворенія съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы черезъ два дня я ему вернулъ рукописи. Оба листка пожелтѣвшей почтовой бумаги малаго формата очутились у меня.

Я сперва принялся старательно свѣрять текстъ, а затѣмъ сличалъ почеркъ Кольцова съ напечатанными факсимиле стихотвореній въ Академическомъ изданіи сочиненій поэта, и сейчасъ же я убѣдился въ полной аналогіи почерковъ и пріемовъ письма. Перечеркнутыя слова, характерная буква е, соединенныя вмѣстѣ разныя слова, слабая грамотность письма, неувѣренный почеркъ, т. е., все то, чѣмъ можетъ быть характерна рукопись А. В. Кольцова.

Я переписалъ оба стихотворенія и вернулъ съ благодарностью оригиналы ихъ собственнику, просившему меня не упоминать полностью его фамилію въ моей статьѣ, каковую просьбу охотно исполняю.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего второго визита я вновь явился навѣстить г. А—скаго и нашелъ его не совсѣмъ здоровымъ, хотя и съ трудомъ дѣлавшимъ по комнатѣ нужныя передвиженія.

Очевидно, старческая немощъ сказывалась и одолѣвала бремя лѣтъ...

Дней черезъ десять послѣ моего послѣдняго посѣщенія я еще разъ явился къ г. А—скому провѣдать его и усердно просить пожертвовать обѣ рукописи въ Императорскую Публичную Библіотеку, но меня ожидалъ печальный сюрпризъ... За недѣлю до этого дня г. А—скій скончался, и телеграфно вызванная его сестра—игуменья одного изъ монастырей Тверской епархіи, прибыла въ Петроградъ для погребенія брата. Тѣло А—скаго

было предано землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ. Сестра-игуменья распродала вещи покойнаго, а его бумаги и друг. документы увезла съ собою въ монастырь. Въ какой монастырь?—миѣ осталось неизвѣстнымъ. Такъ и утерялись рукописи Кольцова.

Первое стихотвореніе называется „Горе“. Вотъ его содержаніе:

Г о р е.

„Ахъ ты, горе, горе,
 Горе горькое!
 Гдѣ ты сѣяно,
 Да гдѣ выросло?
 Во сыпучихъ ли
 Пескахъ...
 Во дремучихъ ли
 Лѣсахъ Муромскихъ?
 Кто тебя вспоилъ,
 Да кто выкормилъ,
 Да кто въ свѣтъ пустилъ
 Тебя, горюшко,
 Горемычное,
 Ко чужимъ людямъ
 Горе мыкати?
 И зачѣмъ ты къ намъ
 Въ гости, горюшко,
 Появляешься,
 Не желанное
 И не званное?
 Отравишь стопу
 Пировую всю,
 И уйдешь опять,
 Какъ ночная тать,
 Невидимкою,
 И весь пиръ — не въ пиръ,
 И вся жизнь — не въ жизнь...
 Пропадало-бъ ты,
 Горе-горькое,
 Гдѣ родилося
 Да гдѣ выросло;
 Зачѣмъ по свѣту

Бродишь цѣлому
И быть гостьею
Всѣмъ нерадостной?

Алексѣй Кольцовъ.

1839 г.

4 мая. Воронежъ.

II.

„Ночька темная,
Время позднее,—
Скучно дивицѣ
Безъ товарища.

* * *

Полюби меня,
Душа дѣвица,
Меня молодца
Разудалаго.

* * *

Ночька темная
Не протянется,—
Веселѣй тебѣ
Будеть на сердцѣ.

* * *

Кровь горячая
Разыграется,
Обольеть огнемъ
Груди бѣлыя.

* * *

Припаду я къ нимъ
Съ нѣгой страшною,
Съ жаждой пылкою
Наслажденія.

* * *

Обовью рукой
Шейку стройную,
Шейку бѣлую
Лебединую.

* * *

Я вопьюсь въ твои
Уста сладкія,
Я съ любовію
Страстной, пламенной...

* * *

Мы тогда съ тобой
Весь забудемъ міръ,
И наплачемся,
И натѣшимся“.

Алексѣй Кольцовъ.

Въ стихотвореніи „Горе“ есть другой вариантъ 17 строфы, зачеркнутый рукой Кольцова: „Къ намъ заходишь въ гости“.

Передъ 23-й строфой было: „Отравишь ты нашу“; въ 24 строфѣ вмѣсто слова „всю“ было зачеркнуто „чашу“; 25 строфа: „Чашу жизненную“ зачеркнута и въ 31 строфѣ зачеркнуто слово „горе“ послѣ „ты“.

Во второмъ безымянномъ стихотвореніи въ 19 строфѣ вмѣсто словъ „съ жаждою“ зачеркнуто слово „загорюсь“; въ 22 строфѣ вмѣсто „стройную“ было зачеркнуто слово „бѣлую“ и, наконецъ, вмѣсто послѣдняго двустишія было зачеркнуто.

„Душа дѣвица
Раскрасавица“

Второе стихотвореніе не датировано. Всѣ слова въ обоихъ стихотвореніяхъ перечеркнуты рукою Кольцова.

Въ этихъ двухъ новонайденныхъ стихотвореніяхъ чувствуются думы, грусть, тоска и тревожный умъ подлиннаго Кольцова...

С. Шпицеръ.

